

забастовка в советском организована мной

мого профсоюза, произошла в Киеве — во время съемок фильма «Мужество», где были заняты Саша Галибин, я, Наташа Андрейченко.

— А что вас не устраивало?

— В первом случае, на «Таджикфильме», нам не выплачивали зарплату несколько месяцев, причем не платили не только артистам, а всей съемочной группе. Мы вышли на работу, загримировались, надели костюмы и... сидели в павильоне. У меня хватило ума прочитать документы, где было написано, что является прогулом, а что нет. А во втором случае наша режиссерская группа, которая проводила съемки на Камчатке, загрузила самолет бочками с икрой — ее и привезли в Киев, а наши костюмы остались на полуострове, их было решено «отправить малой скоростью». Актеры из Москвы, Минска, Киева слетелись на съемки, а костюмов нет. И никто в этом не признается! Две недели дирекция молчала, как партизан, придумывала отговорки: то якобы сена нет для съемочной площадки, чтобы выставить им павильон, то еще чего-то. А когда ситуация прояснилась, мы не вышли на работу, вернее, вышли, но сидели в гримерной. Закончилось все тем, что мы написали письмо в дирекцию и шефские организации — и всех начальников сняли. Это был такой первый гражданский акт. После этого мы стали совещаться, как спастись от жуликов, и в итоге решили создать профсоюз для защиты прав артистов — Гильдию актеров кино.

— Многие ваши роли запомнились зрителям, но не все знают ваши инициативы как депутата, как зампреда думского комитета по культуре. Что вы можете предьявить народу?

— Когда я в 99-м году шла в Государственную думу (в парламенте я уже четвертый созыв), то мы обещали, что примем закон об авторском и исполнительском праве. С этого и начиналась моя работа в Думе. Сейчас артисты имеют права на свою роль. Другое дело, что они этими правами не пользуются. Артисты могут написать, что желают получать процент от проката фильмов или проценты с билетов, проданных на их спектакли. Но наша рабовладельческая система не дает им возможности воспользоваться этим правом — многие артисты даже не знают, что, подписывая договор, они сразу же отказываются от своих прав. Они не умеют читать документ. Второй момент. Мы обещали нашему родному Петербургу защитить памятники истории и культуры — помните, какое тогда было влиятельное строительное лобби, которое все начало рушить?

— Конечно, помню — сейчас уже подсчитано, что более ста исторических домов стерто с лица города...

— Так вот, в 2002 году нам удалось принять закон об объектах культурного наследия — защите памятников истории и культуры — более прогрессивный, более жесткий, чем в европейских государствах. Другое дело, что этот закон тоже не исполняется властями, но здесь уже мы можем как-то воздействовать, пригласить прокурора например. Сейчас я готовлю поправки, ужесточающие ответственность собственника и пользователя в деле сохранности исторического памятника. Мы очень подробно прописываем порядок доступа к объектам культурного наследия, независимо от формы собственности. Если, к примеру, вы завтра решите купить какой-либо дворец, то не сможете его закрыть от посетителей: вы будете обязаны заключить договор с органами охраны о порядке доступа к вашему сокровищу. И даже фасад здания, которое охраняется государством, собственник не сможет оградить двенадцатиметровым забором, а если в историческом доме есть еще старинный камин, потрясающие интерьеры, то он обязан будет пускать граждан смотреть на это великолепии — естественно, оговорив порядок доступа с органами охраны памятника. Кроме того, в этом году в Уголовный кодекс введена новая статья об ответственности за разрушение памятника. Сейчас я пишу в Минкульт письмо, где спрашиваю, почему они не возбуждают уголовные дела по уже расследованным фактам.

— Елена Григорьевна, двадцать лет назад, в 1992 — 1993 годах, когда мэром города был Анатолий Собчак, а Владимир Путин руководил комитетом по внешним связям, вы возглавляли комитет по культуре и туризму петербургской мэрии. Как вам работало с Владимиром Путиным? Пересекались ли вы потом в работе?

— Да, была такая история! Работали мы, конечно, тесно, потому что комитет по внешним связям, который возглавлял Владимир Владимирович, занимался инвестициями в туризм, а наш комитет работал с туристическими организациями и разрабатывал концепцию развития туризма. Могу сказать самые хорошие слова в адрес Владимира Владимировича, потому что на нем был большой объем работы в очень трудное для города время. Он уже тогда был незаурядным человеком, яркой личностью. У его даже боялась — мне казалось, что он про культуру знает больше меня. Когда мы с ним встречались и он мне задавал вопросы, то я даже терялась оттого, что он все знает, хотя, в общем-то, занимался другими вещами. Работая в Госдуме, я никогда не пыталась использовать служебное положение, чтобы пойти к президенту с какими-то конкретными вопросами. Мы несколько раз встречались в небольшом кругу, когда он беседовал с руководством фракции «Справедливая Россия», в которой я состою. И хотя в программе мое выступление не значилось, Владимир Путин все равно спросил меня о состоянии дел в культуре. Тем самым дал мне возможность пожаловаться на страшный закон о госзакупках. Ведь что творилось: если режиссер захотел поставить какую-нибудь пьесу, то формально надо объявлять конкурс среди драматургов, а если музей собрался приобрести раритет, то нужно объявлять конкурс на закупку уникальных вещей. Знаете, результатом этой встречи было то, что в отношении авторских произведений разрешили не использовать пресловутый 94-й закон, а также все, кроме декораций и пошива костюмов, нам разрешили закупать без конкурса.

— Елена Григорьевна, меня еще один вопрос интересует: вы меняли партии — то за демократов были, то на левом фланге с коммунистами, потом с патриотами, а сейчас — с «эсерами». Отчего с вами происходили такие метаморфозы? Может, не хватило идейности?

— Кажется, Жванецкий сказал, что у нас удивительная страна: живя в своей собственной квартире и исповедуя одни и те же принципы, ты можешь оказаться и за

— Бабушка Гликерия Федоровна говорила мне: «Настоящая женщина должна уметь и шелка носить, и глину месить». Поэтому когда ты — бабушка, то пеленаешь, когда депутат — принимаешь решения, когда артистка — пляши. И все надо стараться делать на пределе возможностей — тогда жизнь интересная.

ционных войн. А потом меня выбрали депутатом Госдумы. Но кандидатскую я защищала по социологии, потому что она связана с избирательными процессами, а так как я с 1989 года участвовала во всех выборах, то у меня был собран очень большой фактический материал.

— В начале своего пути вы поступали в Институт культуры — «Крупну», но пришлось окончить Ленинградский институт театра, музыки и кино...

— Я поступала в ЛГИТМиК на курс к профессору Сонниковой, но на тот типаж, который я играла, взяли не меня, а девочку из Молдавии — более яркую, колоритную. И я провалилась. Но мама видела меня студенткой и сказала, чтобы я поступала в Холодильный институт — там декан был знакомый. Я взяла справочник, полистала его и поняла, что кроме холодильного (*улыбается*) есть еще Институт культуры и кафедра режиссера массовых зрелищ. Два курса я отучилась, была отличницей, висела на Доске почета, писала сценарии для массовых зрелищ, но в артистки все равно хотелось. Поэтому через два года я снова стала поступать в ЛГИТМиК — на курс профессора Макарьева. Мама у меня была строгая, она по профессии учитель литературы и истории (так это тогда называлось) и ужасно не хотела пускать меня в артистки (папы к тому времени уже не было в живых), но потом посмотрела на наш курс, который был таким же зеленым, как и я, и успокоилась. Она очень гордилась фильмом «А зори здесь тихие...», а ей отовсюду с фестивалей привозили подарки, у меня была приличная зарплата...

— А тот фильм «А зори здесь тихие...», что сняли китайцы, видели?

— У меня здоровья не хватило целиком его посмотреть. Музыка хорошая, а фильм плохой, потому что не самостоятельный. Китайцы продублировали вплоть до мизансцен нашу картину, а это всегда плохо — нужно делать что-то свое. А так фильм у них получился конъюнктурным.

— Елена Григорьевна, вы родились в городке Уральске в Казахстане, помните его?

— Ну что я могу помнить, когда там прожила два месяца, потом семья переехала в Пушкин, и мое детство прошло в Царском Селе. Училась в бывшей Марининской гимназии. Так что царско-сельская я...

— И продолжаете пушкинские традиции — за культуру бьетесь. Но корни ваши, судя по фамилии, украинские?

— Была такая история: во время голода 1895 года украинским переселенцам была дана земля на юге Урала, в Башкирии. Так появилось село Преображенка, где сохранились украинский язык, костюмы. И там полдеревни было Драпек, мой папа — оттуда. Он и научил меня украинским песням — «Човен плыве», «Ничь яка мисячна, зоряна, ясная». И когда я их спиваю на Украине, то все удивляются, откуда я их знаю.

— А где будете отмечать день рождения?

— В Петербурге — буду здесь три дня, и так как мой юбилей совпадает с юбилеем комсомола, я надеюсь увидеть здесь своих друзей по ленинградской комсомольской организации. А потом у себя в депутатской приемной встречусь с однокурсниками, одноклассниками, с кем работала, то есть с теми, кто захочет меня поздравить.

— И «Вечёрка» вас поздравляет, желает всех благ, здоровья, успехов, удач! Ведь жизнь только начинается — вам не кажется?

— Думаю, что надо подводить какие-то итоги, а я не чувствую возраста. Меня это даже пугает. Боюсь, что споткнусь на бегу и не успею осмыслить. Но мне кажется, у меня все еще впереди, а мою жизнь пусть осмысливают другие.

Елена Драпеко в звездной роли Лизы Бричкиной (в кадре — с Андреем Мартыновым).

границей, и в другой партии... Могу сказать, что мои принципы и моя идеология — борьба за социализм с человеческим лицом — остаются прежними.

— И кстати, где ваш билет члена КПСС? Не сожгли, как многие? Не выбросили?

— Мой билет в полной сохранности. Понимаете, из коммунистов нельзя выписаться, уволиться. Из коммунистов можно только вперед ногами выйти. Это такой психотип — человек, который всегда живет интересами общества.

— Это в вас уже говорит социолог, кандидат наук. Кстати, а чем вас привлекла социология?

— Я работала в мэрии, потом стала деканом в Университете профсоюзов, написала и защитила на кафедре авторский курс и в течение семи лет преподавала основы коммуникативной культуры, которые связаны с риторикой, методикой ведения переговоров, теорией информа-